

В 2020 г. Российский фонд фундаментальных исследований провёл большой конкурс на подготовку исследований к предстоящему 350-летию юбилею Петра Великого, мотивировав многих историков, десятилетиями накапливавших научный материал, превратить собранные данные в монографии. Одной из таких книг стала работа Е.В. Акельева, посвящённая вопросу брадобрития в России раннего Нового времени. Автор давно разрабатывает данную проблематику¹, которая, на первый взгляд, может показаться тематически узкой. Между тем рассмотренный в ней сюжет никак нельзя назвать маргинальным. Он хорошо известен историкам и любим ими, поскольку ношение бороды (или склонность к брадобритию) в контексте рассматриваемой эпохи являлось ярким символом мировоззрения и ценностной ориентации исторических персонажей. Исследователь, работая над биографией исторической личности и обнаружив, что его герой брился (или боролся с брадобрийцами) в XVI–XVII вв., или же отпустил бороду в XVIII столетии, обязательно остановится на этом сюжете. Достаточно вспомнить расхожие истории о том, как великий князь Василий III перед заключением брака с Еленой Глинской сбрил бороду, а протопоп Аввакум в 1648 г., ещё до начала церковной реформы, наотрез отказался благословить бреющего бороду сына

В.П. Шереметева Матвея, за что и пострадал от всесильного вельможи.

Не менее популярна тема изменения облика подбородков россиян в тех случаях, когда повествуется об истории русской культуры в масштабах страны. В обобщающих работах (от школьных учебников до многотомных историй России) сюжет с обрезанием бород после прибытия Петра Алексеевича из Великого посольства является чуть ли не обязательным. Слишком уж ярко это действие характеризует как нрав царя-реформатора, так и методы утверждения вводимых новшеств. Бороды становились предметом законодательного регулирования, объектом налогообложения. По сути, петровское брадобритие превратилось в устойчивый концепт, широко использующийся в самых разных сферах. Так почему же эта явно актуальная тема весьма слабо исследована, а зачастую и вовсе встречает внутреннее или даже открытое сопротивление коллег-историков?

Причин здесь, на мой взгляд, три. Первая из них — кажущаяся очевидность ситуации, подталкивающая к интерпретации связанных с ней событий, а не к анализу самого случая. Не погрузившись в контекст исследования, нельзя понять, что здесь может найтись материал для изучения. Сама постановка столь сложной и неординарной задачи уже свидетельствует о широчайшей научной

* Акельев Е.В. Русский Мисопогон: Пётр I, брадобритие и десять миллионов «москвитов» М.: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с.

эрудиции автора книги. Вторая — гигантская трудоёмкость такого исследования. Основной комплекс документов, отразивших историю борьбы с брадобритием (архив приказа Земских дел), утрачен, и искать материал приходится буквально по крупицам в собраниях различного характера и разных эпох. Написав около двух десятилетий назад статью о петровской реформе платья², я попытался собрать материал для аналогичного текста о брадобритии, но отказался от этой затеи именно из-за огромных трудозатрат. Главная же проблема с публикациями на рассматриваемую тему заключается в принципиально разных представлениях учёных о том, что же должно находиться в центре внимания историка? Если мы видим основное содержание исторического процесса в истории государства, то бороды кажутся очевидным «мелкотемьем», которому не пристало отнимать журнальные полосы у государственных институтов, политических партий, войн и т.д. Если же в центре внимания ставится конкретный человек с его частной жизнью, «мелкой» с точки зрения исторического процесса, но крайне ценной для него самого, то система ценностных координат меняется. История брадобрития оказывается достойным объектом не только для статьи, но и для монографии или диссертации.

Стремясь, вероятно, «легализовать» взятую для изучения тему, Акельев подчёркивает, что его книга написана в рамках возникших в прошлом столетии и сохраняющих актуальность на сегодняшний день направлений исторических исследований — микроистории и истории повседневности (с. 13–17). Действительно, теоретические подходы, в рамках дискурса которых «человекоцентричность» становится обязательной для историка, существуют уже давно. Ведь

борода — это классический знак/символ, изучаемый семиотикой. В самом начале повествования исследователь целенаправленно выдвигает на первый план тот факт, что любое символическое действие — это знак, наполняемый смыслом лишь в рамках его интерпретации людьми. Делается это на примере последнего императора-язычника Античности Юлиана Отступника, в ходе конфликта с христианами Антиохии написавшего памфлет «Мисопогон» (т.е. враг/гонитель бороды). В той исторической реальности борода являлась символом императора, противника христианства. Знаком же приверженности Христу стали бритые подбородки христиан-антиохийцев. Таким образом, содержание символического действия поменялось на противоположное. Этот факт исследователь вынес в заглавие книги, сделав его знаком в лучших традициях семиотики.

Однако в чистом виде теоретические подходы исторической науки эпохи постмодерна были характерны для Акельева на предыдущем этапе его исследований. В новой книге внимание автора радикально сместилось в область социальных отношений и политической истории, обычно рассматриваемых на ином, более традиционном материале. Стремясь разобраться в социальной механике исторических процессов, вызванных реформами Петра Великого, Акельев накладывает на привычную читателям повестку микроистории и истории повседневности концепции властвования. В результате в центре исследования оказываются механизмы работы государственного аппарата. Складывается впечатление, что автор целенаправленно экспериментирует с теоретическим наследием постмодерна. Не знаю, станут ли предложенные учёным теоретические новации вкладом в развитие россий-

ской науки, но его научные подходы кажутся интересными.

В итоге мы имеем в одной книге два тесно переплетённых исследования. Первое — классическая работа в рамках истории повседневности. Автор прослеживает, как в русской культуре формировалось отношение к бритью, начиная с XIII в. Отдельно изучен вопрос о том, как тема бритья становилась всё более острой: ближе к концу XVII столетия появлялось всё больше людей, ориентированных на культуру Нового времени. Акельев чётко показал, что обрезание бород на приёме в Преображенском (1698) оказалось не просто «пиар-акцией», рекламирующей западный образ жизни, а точкой острого, непримиримого столкновения систем ценностей. Царь продемонстрировал русской знати, что далее не потерпит в своей среде инакомыслия.

Не менее важен и анализ дальнейшего развития ситуации. До сих пор историкам казалось, что события 1698 г. стали точкой в истории с бритьем. Введённые в научный оборот Акельевым источники показывают, что Пётр собирался радикальным образом в массовом порядке менять облик жителей российских городов в 1698 г., но воплощать эту задумку на практике начали только в 1705 г. Почти сразу после появления соответствующего указа сферу его применения пришлось ограничивать и корректировать из-за массового сопротивления в отдельных регионах (вплоть до Астраханского восстания). Практическая реализация заявленных в указе 1705 г. целей проходила с переменным успехом. Царь попытался возобновить активную борьбу с бородами в 1724 г., но кончина монарха не позволила его планам воплотиться в жизнь. В итоге эта борьба трансформировалась в составную часть антираскольничьих мероприятий правительства и затянулась

до 1763 г., когда власти отказались от каких-либо попыток насильственно придать русским людям европейский облик. Таким образом, рецензируемое исследование радикально меняет представления историков о данной петровской реформе.

Не менее интересно и второе предпринятое в рамках книги исследование, в рамках которого учёный пытается выяснить, как в России рассматриваемого периода складывались отношения власти и подчинения. Эту тему применительно к вопросу о бритьи исследователи до сих пор рассматривали однозначно. Казалось, что обладающий абсолютной властью Пётр Великий составил для себя проект европеизации подданных и, действуя крайне жёстко, в краткие сроки добился своей цели. Акельев показал, что эта плоская схема далека от реальности. Во-первых, Пётр не действовал в качестве демиурга-одиночки. Из книги становится очевидно, что царь в борьбе с бородами выражал стремления значимой части русского общества. Чаянья же его идейных противников поддерживались патриархами Иоакимом и Адрианом. Автор успешно доказывает, что в 1690-х гг. в России существовали (и конкурировали) две властные вертикали. В этом контексте более понятно стремление Петра ликвидировать патриаршество.

Однако на моменте ликвидации патриаршества перипетии событий в контексте власти/подчинения не закончились. Акельев обращает наше внимание на то, как при практической реализации государственной политики изначальные распоряжения корректируются исполнителями — их идейным принятием или непринятием указаний «сверху», бескорыстием или корыстолюбием, текущими частными интересами, личными и групповыми связями, амбициями, стремлением сделать карьеру или нажиться.

Парадоксальным образом, для такого подхода к исследованию механизмов работы государства тема бородобрития представляется наиболее удачной. С одной стороны, она в достаточной мере обеспечена источниками, с другой — политически безобидна.

В ряде разделов монографии мы видим причудливую смесь привычных для изучения истории государства методов анализа скорости прохождения распорядительных документов с попытками учёного погрузиться в проблемы личностного восприятия этих документов конкретными людьми. Безликая государственная машина «очеловечивается». Из книги становится понятным, почему «лёгкая победа» Петра в вопросе бородобрития не может быть ничем иным, как историографическим мифом — царь без особых проблем расправился с бородачами в своём окружении, однако на остальном пространстве страны непосредственная воля государя растворилась во множестве «малых волей» исполнителей. Под пером Акельева стройная картина «окультуривания диких москвитов царём-прогрессором» превращается во множество личностно окрашенных столкновений, в которых победа оказывалась то на одной стороне, то на другой. Таким образом, рецензируемая книга не только рассматривает конкретный исторический вопрос трансформации русской культуры, но и позволяет по-новому взглянуть на феномен власти в России конца XVII — начала XVIII в. Подозреваю, что аналогичную картину можно выявить и для других эпох.

Нетривиально поставленная задача заставила Акельева затрагивать самые разные темы, в том числе остававшиеся вне поля зрения учёных. Как следствие, кроме рассмотрения основных сюжетов, у книги есть и другие, «побочные» результаты. К примеру, автор сделал ряд ценных наблюдений

над рукописным наследием патриарха Адриана. Окружное послание патриарха, где говорится о бородобритии, до сих пор было известно по списку, выявленному Н.Г. Устряловым и опубликованному Г.В. Есиповым. В рецензируемой монографии отмечено 25 списков данного памятника (в том числе вариант с правкой Евфимия Чудовского) и показано, что используемый исследователями поздний список имеет значительные искажения.

Акельев существенно расширил наши знания о взаимодействии таких деятелей русской книжности, как Евфимий Чудовский и братья Лихуды: как оказалось, они совместно трудились, готовя для Адриана аргументацию в борьбе против бородобрития (с. 76–99). В целом анализируемая книга (особенно раздел о следствии над книгописцем Г.В. Талицким и несколько последующих) позволяет расширить представления о повседневной жизни русских книжников и любителей чтения. Вслед за исследователем мы узнаём, как люди встречались, обменивались мыслями и книгами, списывали для себя наиболее интересное из прочитанных произведений. Обычно эта сторона жизни русских книжечеев недоступна для наблюдения.

Учёный обратил внимание на крайне любопытную связь между началом бородобрития, активизировавшейся «агитационной» деятельностью духовенства и некоторыми особенностями начального этапа церковной реформы Петра. Как правило, первую фазу преобразований в управлении Церковью рассматривают с точки зрения экономических интересов правительства³ или же более широко, в рамках лишения церковного руководства «традиционного набора властных полномочий и административно-хозяйственных привилегий»⁴. Однако Акельев отметил, что в целом ряде

документов 1701–1702 гг.⁵ фигурирует запрет на несанкционированное передвижение монахов между монастырями и даже просто на написание любых текстов вне контроля монастырской администрации (с. 319–321). Получается, что реформа изначально имела политическую составляющую. Из материалов рецензируемой книги становится очевидным, что власти, изымая церковное имущество, параллельно стремились пресечь агитацию духовенства против культурных преобразований 1688–1700 гг.

Работа Акельева позволяет по-новому взглянуть на такие сюжеты, как «стрелецкий розыск» 1698 г., отмена патриаршества, свержение правительства царевны Софьи в 1689 г. Последнее событие в историографии трактуется как государственный переворот⁶. Акельев же развивает эту историографическую тенденцию, добавляя понятие церковной «контрреволюции» 1689 г. (с. 155–168). Мне такой термин кажется слишком радикальным, однако общая оценка событий представляется верной.

Монография снабжена обширным приложением, имеющим самостоятельную ценность. В нём опубликовано почти два десятка источников по исследуемой тематике, которые, безусловно, будут востребованы специалистами в дальнейших исследованиях. В них имеется значительный объём информации, не использованной автором в основной части. По сути, приложение продолжает книгу. Рассматривать последнее замечание в качестве упрёка не следует. Подробно рассмотреть все сделанные находки в рамках одной работы невозможно.

Переходя к критическим замечаниям, дополнениям и размышлениям, обязательным для любой рецензии, отмечу своё категорическое несогласие с изложенным в разделе «Патриарх Адриан vs “младший

царь”» тезисом автора о том, будто бы «в исторической литературе сложился консенсус относительно незаинтересованности Петра I в политических делах в первый период его самостоятельного правления. Считается, что после августовского переворота 1689 г. “младший царь” в целом не изменил своих привычных занятий, интереса к государственным делам не проявлял» (с. 169). Акельев подвергает данное представление обоснованной критике и указывает, что цепочка действий и контрдействий в отношениях между царём и патриархом тянется с начала 1690-х гг. Однако в реальности постулируемого консенсуса нет. К примеру, мне уже случалось критиковать утверждения о изначальной «политической пассивности Петра», показав что юный царь после свержения царевны Софьи пытался взять управление государством в свои руки, однако вдовствующая царица Наталья Кирилловна не пустила его к кормилу власти, сосредоточив усилия на обучении сына делам правления (в том числе в вопросах внешней политики). Это стало причиной острого конфликта между ней и Петром. В данном контексте «состоявшееся 1 января 1692 г. по воле Петра I в Преображенском “поставление в патриархи” Н.М. Зотова, известного впоследствии как “всея Яузы и всего Кокуя патриарх”, стало своеобразным ответом царя на совершённое помимо его воли поставление Адриана»⁷. Приведённые Акельевым данные не разрушают «сложившийся консенсус», а подтверждают мои наблюдения, хотя базовым мне кажется всё-таки конфликт между матерью и сыном; противостояние же с патриархом стало производной от семейных столкновений.

Общему пониманию исследуемого материала мешает то, что в книге нет развёрнутого анализа начального этапа истории русского брандштита.

У рецензента складывается впечатление, что существовавшие в Московском государстве XVI–XVII вв. представления о бороде сложились довольно поздно. Побившийся к свадьбе с Еленой Глинской Василий III ещё явно не понимал, что он уничтожает бритвой своё подобие Богу. Это видно из материалов, приведённых самим Акельевым, и ещё более очевидно из статьи В.В. Пенского⁸. В качестве дополнительной аргументации позднего появления «Адриановских» взглядов на бранобритие можно привести факт отсутствия бороды в ранней иконографии сюжета изгнания Адама и Евы из Рая. Ведь если ориентироваться на характеристику бороды как признака подобия Богу, то Адам изначально должен был иметь бороду. Между тем сюжет изгнания из Рая с бородатым Адамом — редкость. Это говорит о том, что изобразительная традиция не вполне «догнала» тексты. Представляется, что изучаемая Акельевым система взглядов стала складываться из разрозненных направленных против бранобритцев текстов в ходе обсуждения голого подбородка Василия III. Концепция развивалась по мере обострения противостояния традиционалистов и сторонников модернизации, кульминация которого пришлась на время патриаршества Адриана и, соответственно, актуальность данного концепта усилилась.

Сюжет о конце бранобрития также выглядит в рецензируемой книге незаконченным. Развитие законодательства в этой области продолжалось. Достаточно вспомнить о знаменитом указе Николая I «О неношении лицам, имеющим придворные звания, усов и бород» (1837)⁹. Однако в указе запрет на ношение усов, столь любимых самим императором, объяснялся тем, что это признак людей, находящихся на военной службе, новое же

гонение на бороды не аргументировано. Если же обратиться к исследованию А.И. Куприянова, тщательно анализировавшего причины ношения бород в конце XVIII — первой половине XIX в., то окажется, что причин для ношения/бритья бороды к началу 1860-х гг. было множество: «Купечество и мещанство в большинстве своём сохранило народную традицию отношения к бороде. Славянофильски настроенная часть образованных слоёв в поисках национальных корней, “почвы”, ещё раньше обратилась к бороде как символу русскости. Либерально настроенная молодёжь с её помощью (как и длинными волосами, “вольностями” в одежде) выражала свою оппозиционность правящим кругам. Наконец, на молодых и людей среднего поколения (отчасти и представителей старшего поколения, носивших бороды в 1830-х гг.) повлияли европейские моды на бороды»¹⁰. Как видим, носить бороду можно было даже для того, чтобы выглядеть, как европейцы. Между тем продвигаемая патриархами Иоакимом и Адрианом аргументация, убеждающая носить бороды, явно потеряла свою актуальность. Она продолжала использоваться разве что в старообрядческой среде. В целом же система семиотических знаков в конце XVIII — XIX в. явно поменялась. Можно предположить, что к 1763 г. страна уже прочно свернула на проложенный Петром путь. В результате старый знак-символ потерял значение знамени в борьбе за старый мир. Сторонники бранобрития и их противники наполнили этот символ своими смыслами.

В заключение отмечу, что предлагаемое нашему вниманию издание является не только научным текстом, но и в какой-то мере литературным произведением. Автор, специально или неосознанно, предлагает читателю игру смыслов и сюжетов в стиле

«Игры в бисер» Г. Гессе или «Имени розы» У. Эко. Элементом такой игры являются обширные цитаты из документов и других исследований. Их сопоставление с текстом Акельева заставляет читателя создавать собственные интерпретации представленного материала. Характерно, что книга увидела свет не в узко специализированном издательстве, а в «Новом литературном обозрении», которое, имея большой опыт публикации научной исторической литературы, всё-таки ориентируется на научно-популярные и интеллектуальные художественные тексты. Это делает рецензируемую монографию доступной как для специалистов-историков, так и для широкого круга читателей, интересующихся прошлым нашей страны. Работа автора с данным издательством положительно сказалась на качестве книги. Следует отметить и «звёздный» состав специалистов, работавших с нею. Научный редактор (О.Е. Кошелева) — известный специалист по русской истории и культуре XVII–XVIII столетий; пользуются заслуженным уважением коллег и рецензенты — Е.В. Анисимов и А.В. Жуковская.

Впрочем, достоинства представленного исследования в какой-то мере являются и его недостатками. Сложное переплетение сюжетов и смыслов не позволяет читать его бегло или просто заглядывать в конкретные разделы в справочных целях. Многочисленные подзаголовки часто являются художественными образами, разобраться в которых можно, только изучив текст. Следя за одной мыслью автора, порой теряешь из виду остальные сюжеты. Чтобы воспринять весь потенциал текста Акельева, к нему необходимо обратиться не раз, что, однако, не составляет проблемы, поскольку книга очень интересна.

Примечания

¹ Акельев Е.В., Трефилов Е.Н. Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). Сборник статей. СПб., 2013. С. 153–173; Акельев Е.В. Из истории введения брадобрития и «немецкого» костюма в петровской России // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 90–98; Akelev E.V., Wilson L. The barber of all Russia: Lawmaking, resistance, and mutual adaptation during Peter the Great's cultural reforms // Kritika. Vol. 17. 2016. № 2. P. 241–275.

² Шамин С.М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1. С. 23–38.

³ Шамина И.Н. Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I (1701–1703) // Российская история. 2021. № 4. С. 60–71; Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н. Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022.

⁴ Устинова И.А. Начальный этап церковной реформы Петра I: преобразование патриарших приказов // Вестник церковной истории. 2022. № 3/4(67/68). С. 232.

⁵ Шамина И.Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов // Вестник церковной истории. 2010. № 1/2(17/18). С. 17–107; Шамина И.Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренёва и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4(47/48). С. 96–226; Шамина И.Н. Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря и его вотчины 1701–1702 гг. // Вестник церковной истории. 2020. № 1/2(57/58). С. 5–37.

⁶ Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 157–190.

⁷ Шамин С.М. Формирование внешнеполитических представлений Петра I и куранты 1690–1693 гг. // Российская история. 2012. № 4. С. 111–120.

⁸ Пенской В.В. «Яко блудницам обычай есть...»: казус с бородой Василия III // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 3(15). С. 119–128.

⁹ Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900. С. 96.

¹⁰ Куприянов А.И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII — первая половина XIX века. М., 2007. С. 367.